

Наташа Труш
*Нежная мелодия
для Контрабаса*

Наташа Труш

Нежная мелодия для Контрабаса

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=21548368
ISBN 9785448325502*

Аннотация

Он голыми руками сломал замок на клетке Конрада: рванул его резко вниз, и хилая дужка сиротливо закачалась на стальных изогнутых «ушках». Конрад вышел из вольера. Хотел встать на задние лапы, чтобы лизнуть хозяина в нос, но у него не хватило сил. За месяц он похудел и ослаб. Они гладили его в четыре руки, а он щурился от счастья и прятал от них свои спелые влажные черешни. Кто хоть раз терял собаку, тот знает, что настоящее счастье – это найти ее и, не стесняясь слез, плакать от радости.

Нежная мелодия для Контрабаса

Наташа Труш

*«Если б не было тебя,
Скажи, зачем тогда мне жить?
В шуме дней, как в потоках дождя
Сорванным листом кружить.
Если б не было тебя,
Я б выдумал себе любовь.
Я твои в ней искал бы черты,
И убеждался вновь и вновь,
Что это всё ж не ты...»*

(Джо Дассен

«Et si tu n'existais pas»

в переводе на русский)

© Наташа Труш, 2018

ISBN 978-5-4483-2550-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Алла Казанская завтракала в кафе «Мадлен» у Техноложки. Она заходила туда каждое утро, третий год подряд, кроме выходных дней и праздников. Черный чай с лимоном и сахаром, и к нему непременно завитая булочка-ватрушка, или

кусочек пышного пирога с рисом и яйцом, а то и нарядное пирожное с кремом! И никаких угрызений совести, никаких переживаний о фигуре!

Алла не отличалась модельной худобой, и собственное тело ее вполне устраивало. Она не «сидела на диетах», как все ее подруги, не верещала, закатывая глаза, что у нее появился целлюлит. Не было у нее никакого целлюлита! Тело было – да. «Девушка в теле» – это о ней. А вот целлюлита не было! Ее было не ущипнуть, как волейбольный мячик.

Такой Алла была не всегда. До двадцати трех лет она занималась спортом. Пришла в легкую атлетику худющая, как щепка! Коленки торчали, как два камня, как две переросшие картофелины. Потом набрала мышечную массу. А когда оставила мечты о великих спортивных победах, вернуться к параметрам девушки с подиума уже не смогла. Впрочем, Аллу мало волновали пресловутые «90—60—90». У нее везде было побогаче! И тощим приятельницам она не завидовала. Ее вообще смешили их стенания, когда они дрыгали тощенькими пальчиками по ребрам и плакались: «Ой, ну, смотри, какой жиртрест!»

Алла смотрела на себя в зеркало, и отражение ее совсем не пугало. Больше того: оно ей нравилось. «Не толстая, а полненькая!» – говорила она о себе самой, и была уверена, что мужчинам такие интересны больше, чем тощие «вешалки». И еще вспоминала поговорочку про то, что мужчины – не собаки, в том смысле, что на кости не бросаются.

Правда, ей все больше встречались любители косточек и ребрышек, которые почему-то с первого дня знакомства начинали ставить ей условие: худей! Интересно, а если женщина очень умна, ей могут сказать: глупей?! Алла считала это большой мужской тупостью, а тупых мужиков не выносила, и сделала вывод, что умных мужчин просто нет в природе, потому что за последние десять лет ей такие не попадались.

При этом она видела, какими глазами смотрят на нее порой мужчины – съесть готовы! Только что не облизываются ей вслед! Но близких знакомств с этими «нормальными» представителями противоположного пола у нее не случилось. Зато недавний кавалер Павел, которому она от больших чувств выделила место в своей квартире, с превеликим удовольствием устроился у нее, но при этом постоянно приводил ей в пример то принцессу Диану, то Жанну Фриске.

Алла смотрела на него с удивлением. В первые дни знакомства он говорил ей, что она очень похожа на Аллу Пугачеву, и лицом, и прической, и фигурой. И даже имя у них одно!

Она поняла, что Алла Пугачева совсем не в его вкусе, и предложила ему покинуть ее дом. Не хочешь – не ешь!

И таких «Павлов» встречалось на ее пути не мало. Подстраиваться под их вкус Алла не собиралась. Она считала, что если любовь, то при чем тут обхват талии, и какая разница, в какую цифру упирается стрелка на весах?! К тому же,

у нее нигде ничего не висело, джинсы не трещали по швам, и «жопины уши» отсутствовали!

Она просто не была худой! И не собиралась худеть. Она жила в своем весе с удовольствием, и любила себя, раз уж никто другой не любил. Кто-то делает силиконовую грудь и силиконовую попу, а у нее свои, настоящие. И никакого целлюлита! Талия? Да, пожалуйста! На месте талия!

Ей было смешно наблюдать за двадцатилетними свистушками у них в отделе, которые постоянно вздыхали по этому поводу. А еще они регулярно скрывались за шкафом, где показывали друг другу что-то страшное. Наверное, это «что-то» и в самом деле было страшное, потому что девчонки охали и ахали, а потом отказывались от чаепития с печеньем. Вместо этого они глотали какие-то пилюли, запивая их минералкой.

А Алла пилюли не пила. Она как раз наоборот – покушать любила! И готовить умела, и делала это с удовольствием. Вот, правда, завтракать дома не успевала, потому что спала до победы, а когда вскакивала после надрывного звонка будильника, времени на завтрак не хватало. Тут или кофе пить, или наводить красоту. Второе – дороже. Придти на работу в офис без макияжа и прически она не могла. Ее бы не поняли. Она все же, какой-никакой, а начальник.

С завтраками проблему решила просто и легко: рядом с офисом у станции метро «Технологический институт» было симпатичное кафе, в которое она заглядывала каждое

утро. Ей нравилось сидеть за столиком у окна в пустом в этот час зале и смотреть на спешащих по своим делам горожан. Она не боялась опоздать. Во-первых, она была не рядовым сотрудником компании, а дослужилась до руководителя группы. Во-вторых, все знали, что она уже почти на месте, в двух шагах от работы, и если ей позвонить, то через три минуты она войдет в кабинет. Не влетит, не ворвется, а нормально войдет. Можно сказать даже «вплывет»! Потому что минуты ничего не решают, а потерять лицо, ломая каблук в полете, очень легко!

Лицо – это то, что Алла Казанская «строила» много лет, упорно, совмещая работу и учебу в вузе. Она по-ленински грызла гранит строительной науки, понимая отлично, что все в жизни ей придется зарабатывать самостоятельно, поскольку папы-миллионера у нее не было.

Была тетушка Мария по отцовской линии, которая в свое время пригласила ее в Петербург, сразу после окончания школы. Тетушка была еще та хитрованка: Алла ей нужна была в качестве домработницы. Тетушка хворала серьезно, в помощи нуждалась. К счастью, была она старушкой не вредной, и щедрой: Аллу прописала в своей двухкомнатной квартире, а потом и вовсе отписала ей в наследство свою драгоценную жилплощадь. Наследников у нее не было, как и более близких родственников, чем Алла, поэтому провинциальной девочке очень повезло. Тетушка же остаток жизни прожила с Аллой, как у Христа за пазухой. И в благодарность

за уход и заботу не стала напоследок мучить свою родственницу, отдала богу душу тихо, в уме и памяти.

Алла достойно проводила тетушку в последний путь, собрав на поминки всех ее соседок, которые дружно сказали, что Мария похоронами «осталась довольная», поинтересовались, как «покойница» распорядилась имуществом, выпили цистерну чаю и бутылку водки – каждая по наперстку, и расползлись по своим норкам.

Алла прожила одна несколько лет. За это время пару раз пробовала построить семью, но поняла, что без любви ничего не получится. Как-то все не так у нее складывалось с мужчинами. Почему-то мужчины начинали лепить из нее идеал для себя. А ей такого счастья не хотелось – чай, не на помойке себя нашла!

Была у Аллы мама-пенсионерка, Татьяна Георгиевна, которая лет пятнадцать назад поселилась в маленьком южно-уральском городке, где прошло ее детство, где был родительский дом. В городок этот она сбежала от своего мужа-тирана из Казахстана. Последний не рискнул бросить свои несметные сокровища – дом, корову, лошадь, тринадцать баранов и сотню кур, преследовать беглянку не стал, и она зажила свободной жизнью на Урале. Работала ветеринарным врачом, лечила кошек и собак. И, выйдя на пенсию, продолжала работать. И еще работала бы и работала, да стали у нее сильно болеть суставы. Она жаловалась на болячки дочке, и Алла

сказала ей просто:

– Ма, бросай все, и приезжай ко мне!

– Ну, что ты! Как я брошу все?! И как мы там у тебя разместимся?! – мама и хотела к дочке, и боялась помешать ее личной жизни.

– Ма, да какая личная жизнь?! Да и успею еще! Мне всего тридцать два! Приезжай!

И Татьяна Георгиевна стала собираться в дорогу.

Южноуральский родительский дом давно превратился в развалюшку. Родители Татьяны Георгиевны этот мир покинули, и за время казахстанской эпопеи ветврача Казанской домика изрядно обветшал. Но и на эту недвижимость нашелся покупатель. И Татьяна Георгиевна, получив за избушку-развалюшку немного денег, заказала контейнер для вещей.

Алла ей приказала все бросить, и ехать с одним чемоданом. Но мама решительно возразила:

– Нет и нет! У меня есть швейная машинка, приличное трюмо, ковер! Могу еще старый диван взять!

– Нет-нет-нет! Мама! Диван некуда будет поставить! У меня же есть все! Бери только самое необходимое, хорошо?!

– Ну, хорошо, – грустно согласилась Татьяна Георгиевна. И по ее интонации Алла поняла, что мама впихнет в трехтонный контейнер все, что войдет!

Если б она знала, что туда может войти, она бы сама полетела в южноуральский городок, и лично бы руководила процессом отправки родительницы в Северную столицу.

Мама приехала с тремя чемоданами и сумкой-переноской, в которой сидел кот средней паршивости, явно побраненный на улице. Кот был породы помойно-дворовой, зато с документами, которым мог бы позавидовать любой благородный зверь. Паспорт с прививками и анализами был такой, что этого голодранца можно было хоть завтра на выставку в Париж.

– Это, стало быть, угловой жилец? – не столько спросила, сколько констатировала факт Алла.

– Ну да! Аллочка, это друг мой!

– Как друга зовут? – Алла вспоминала и вспомнить не могла, чтобы родительница ей сообщала о том, что у нее есть кот.

– Так, Вася же!

– Ну, да – ну, да! Как же иначе-то, Вася, конечно! Вася с Урала!

Но Вася с Урала – это было полбеда. Беда случилась, когда в Петербург с Урала приполз трехтонный контейнер. Кроме потертого не модного ковра, приличного еще трюмо и сломанной швейной машинки в тумбе в контейнер много чего влезло. Влез старый диван, ободранный еще предше-

ственниками Васи, влезло кресло с одним деревянным подлокотником – второй пропал еще до возвращения Татьяны Георгиевны в родительский дом. И диван, и кресло Алла прямо у крыльца определила соседу с первого этажа, у которого в квартире хоть и не было ни одного свободного угла, но был талант пристраивать любую принесенную с помойки вещь. Сосед с радостью вцепился в диван и кресло, и, втащил их на свой этаж при помощи друга-алкаша.

Диван и кресло – это были цветочки! За ним последовали ягодки...

Если кому-то приходилось бывать в лавке старьевщика или на блошином рынке, тот поймет, что трехтонный железный ящик привез с Южного Урала несметные сокровища. Но Алла не могла по достоинству оценить все это древнее великолепие, и когда грузчики извлекали из контейнера очередной ящик, она смотрела на него с ужасом, ожидая очередного потрясения. Первым был старый чемодан, с которым мама в детстве ездила в пионерский лагерь. Он под завязку был забит инструментами: тяжеленный молоток, который болтался на износившейся ручке, рубанок, без главной – режущей – части («давно потеряна!»), три пилы со сломанными зубьями, топор без топорища, и инструмент, очень похожий на ледоруб. Все это было засыпано ржавыми гвоздями, болтами, шурупами, и поднять этот чемодан было очень проблематично.

Алла, открыв фибровую крышку с надписью «Инструмен-

ты», молча усталилась на гору металлолома, и, пережив эстетический шок, сказала:

– Мама, зови соседа из третьей квартиры...

– Отдашь? – обреченно обронила Татьяна Георгиевна.

– Отдам, – кивнула Алла.

– Отдавай! – согласилась мать, но ловким движением выцарапала ржавую железяку под названием «ледоруб». – Это может пригодиться! Я им и гвозди забивала, и однажды от соседки отбивалась!

– Удачно?

– Что ты имеешь в виду?

– Удачно отбилась? Без последствий?!

– Без! Эту соседку лопатой не убить, не то что этим безобидным орудием! Я его оставлю, как память... О папе!

– Мам! Ты неисправима! Ну, хорошо! Если память, то я – пас!

За чемоданом следовали три одинаковых пылесоса, ни один из которых не работал. Это мама честно сразу сказала:

– Все три – не рабочие! Но! Если у тебя есть на примете мужчина, у которого руки не в жопе, то можно сделать один! Этому пылесосу сноса не будет!

– Мама! Во-первых, у меня нет никакого мужчины, ни с руками в том самом месте, ни какого бы то ни было другого!

Алла не успела договорить. Татьяна Георгиевна удивлен-

но на нее посмотрела и спросила:

– Ты это серьезно?

– О чем?

– Ну, о том, что никого у тебя нет?!

– Вполне! А что тебя удивляет?

– Нет, ничего. Хотя, удивляет, конечно. Но нам, тем, которые с Урала, вас не понять...

– Можно продолжать?

– Валяй!

– Во-вторых, – продолжила Алла. – У меня, мамуль, замечательный пылесос! Он не только пыль убирает, но и ковер моет! Да сейчас, знаешь, какие есть пылесосы?! В них специальные фильтры стоят, и, почистив мебель, разглядишь на этом фильтре то, на чем спишь и сидишь! Я однажды увидела демонстрацию этого космического чуда техники, и после этого жить не хотелось!

– Аллочка! Так, может, нам купить такой?! – робко спросила Татьяна Георгиевна, впечатленная пламенной речью дочери.

– Ма! Тебе сказать, сколько он стоит? Лучше тебе не знать!

– Алусь, у меня есть сбережения!

– Вот и побереги свои сбережения, мам! Не думай ты о нем! Это я тебе просто для справки рассказала! У меня тоже хороший пылесос! Тебе понравится! А этих монстров – на помойку!

– Может, соседу? – внезапно вспомнила о мужике с первого этажа Татьяна Георгиевна.

– Может, и ему. Поставим тут, он или в норку к себе утянет, или на помойку. Боюсь, что первое. Да, мам, капитально ты пополнила хозяйство нашего Петровича!

Грузчики выпотрошили до конца железный ящик, и контейнеровоз, громыхая и угрожающе качаясь, отправился в обратный путь. А Алла и Татьяна Георгиевна продолжили разборку вещей из старого дома.

Порадовал Аллу старинный столик: четыре высокие ножки, скрепленные внизу кованой металлической подставкой. А круглая столешница представляла собой сложную конструкцию: будто круглая низкая шкатулка с художественной резьбой по дереву на дне, а сверху – стеклянная крышка, с красиво обработанным, как у дорогого зеркала, краем. А еще самовар, не электрический, а настоящий, который топят сосновыми шишками. С трубой!

– Мам! Какая прелесть! Поставим его на лоджии, трубу выведем на улицу и будем по праздникам и воскресеньям с субботами наслаждаться настоящим чаем!

В неравной борьбе за имущество Татьяна Георгиевна отвоевала чугунный утюг с витой ручкой.

– Мама! Зачем тебе этот утюг?! И как ты собираешься им пользоваться?!

– Алусь, тут все просто: ставишь его на газовую плиту, разогреваешь, и гладь себе на здоровье! – Татьяна Георгиевна погладила утюг с любовью.

– Мам, у меня хороший утюг, и многооперационный!

– А утюгу нужна только одна операция, – возразила мать. – Он должен хорошо гладить. Так вот скажу тебе: сложные кружавчики способен качественно разгладить только вот такой чугунный утюг!

– Мамуль, хорошо бы еще знать, в каком месте у нас с тобой сложные кружавчики! – хихикнула Алла, но утюг все-таки оставила.

С божьей помощью они к позднему вечеру разобрали все коробки и чемоданы. Алла очень обрадовалась четырем ложным венским стульям, жаккардовому коврику с пейзажем и оленями, который помнила с детства, семейным фотографиям в рамках под стеклом, и двум узкогорлым вазам из стекла глубокого болотного цвета. Была еще старинная посуда, красивые ложки, вилки и ножи. И на этом все. Остальное – соседу. Или в помойку!

– Вот так, дочка. Жила-жила я на белом свете, почти шесть десятков лет прожила, а ничего толкового не нажила. И приданого для тебя у меня – ноль! Вот это все, что есть! – Татьяна Георгиевна развела руки в стороны.

– Мама, не думай ты ни о чем таком! Ну, есть же все! А стульям, столику, самовару я очень рада!

– А уютяжку? – вполне серьезно спросила мать.

– Ну, и уютяжку, конечно! – засмеялась Алла. – Непременно заведу кружавчики и буду их гладить этим чудом!

Они прожили вместе два года в мире и согласии, а потом Татьяна Георгиевна, краснея, сообщила дочери, что выходит замуж и уезжает.

– Замуж? – удивилась Алла. – За кого?!

– Он хороший человек, Алла. Бывший военный врач, работал в Военно-медицинской академии. Очень умный и добрый человек, – Татьяна Георгиевна покраснела. – Мы любим друг друга.

– Мам, но когда ты успела?! – Алла и в самом деле не понимала. Вроде, мать всегда была дома. Ну, порой она звонила кому-то, и уходила с трубкой в свою комнату, и говорила тихо. Алла думала, что б не мешать ей, а оказалось – вот такие тайны мадридского двора! И вечерами мать почти всегда была дома, за исключением тех дней, когда она выбиралась в театр. Но, вроде, туда она ездила с какой-то подругой. – Мамуль, «подружка» – то мужского рода у тебя?!

– Ага! Ты извини, я не знала, как сказать...

– Да, ладно, мам! Я не обижаюсь. Скажи, он не такой, как фермер твой, казахстанский?

Этого мамино «заграничного», считай, мужа Алла не знала и никогда не видела, как, впрочем, и своего отца, который сгинул без вести, не оставив о себе ни фото, ни ад-

реса. Даже фамилию она носила мамину. И вот новость, так новость: у мамы новый муж!

– Ну, что ты?! Их рядом не поставить! Валерий Иванович – удивительный человек. И ты не думай, я его из семьи не увожу. Он уже пятнадцать лет, как вдовый.

– Верю-верю! Последний вопрос: где ты его нашла?

– Так, в парке! Алла, ты чему удивляешься?! Петербург – огромный город. У вас тут выбор – не то, что у нас, на Южном Урале! И приличных мужчин – море! – Татьяна Георгиевна вполне серьезно говорила это. – Я же не просто так удивляюсь, что ты такая молодая и красивая, и одна!

– Ну, вот так получается. С любовью мне не везет. А просто так – не хочу.

– Алусь, а у нас не просто так, – Татьяна Георгиевна просветлела лицом. – У нас – любовь. Я и не думала, что такое может быть...

– Ну, остается порадоваться за вас. Но, извини, без смотрин никуда тебя не отпущу! – Алла погрозила пальцем. – Не дай бог, если мне твоей военврач не понравится!

Военврач Алле понравился. Валерий Иванович Климов был приветливым и разговорчивым, умел слушать и интересно рассказывать. «Маменьке повезло! И я рада за нее! Правда, я опять останусь одна...», – подумала Алла. А вслух сказала:

– Зато у меня теперь будет моя семья, и мне будет к кому ездить в гости! Где вы жить собираетесь?

– У Валерия Ивановича дом за городом, в Репино. Там и будем жить.

– Дом – это солидно. Утюжок заберешь?! – Алла хитро улыбнулась. – Думаю, что у тебя наступает время продуманных кружавчиков на каждой тряпочке, а их, как известно, иначе, чем этим утюжком и не прогладить!

– Издеваешься? – спросила мать.

– Шучу! Причем, очень по-доброму!

– Тогда возьму утюжок! На память. О родительском доме. И Васю. У Валерия Ивановича есть кошка Маруся. Им будет хорошо!

– Мамуль! Ты молодец: не только себе жениха нашла, но и Васе – невесту!

– Осталось тебе найти кавалера, и можно мне помирать, – Татьяна Георгиевна улыбнулась.

– Ну, мам, тогда жить тебе лет до ста!

Оставшись одна, Алла перестала завтракать дома. И быстро привыкла к иному ритму. Какое бы ни было время года, ей нравилось сидеть в кафе у окна и смотреть на улицу. В солнечный день – на обнаженные плечи и легкие сарафаны, на легкомысленные соломенные шляпы и шлепанцы на босу ногу. В снег – на шубы и меховые шапки, что топорщились от влажности слипшимися шерстинками, и были

похожи на больших неуклюжих ежей. В дождь – на зонты, зонтыята и зонтищи всех цветов и фасонов, от которых отскакивали дождевики.

Иногда за окном шмыгали осторожные кошки. Иногда пробегали собаки – самостоятельные, без поводков и ошейников, и не очень самостоятельные, связанные с хозяином кожаной уздечкой.

Как-то раз Алла увидела за окном собаку, которая привлекла ее внимание. Овчарка, крупная и красивая, не очень молодая. Она слегка прихрамывала, шла медленно, но по ней было видно, что она знает, куда идет. На собаке был хороший кожаный ошейник, а на ошейнике – сумочка, вроде той, что цепляют на брючный ремень для мобильного телефона. В зубах у собаки был старый рюкзачок из джинсовки с карманами из серого кожзаменителя. Похоже, пустой. Собака остановилась у окна, за которым сидела со своим чаем Алла. В этот день она радовала себя пирожками с капустой особой выпечки – из легкого творожного теста.

Собака внимательно посмотрела на Аллу. Присела за окном на задние лапы. Они при этом растопырились смешно. Видимо, из-за этого собака прихрамывала. Что-то не то у нее было с задними лапами.

У собаки была седая усатая морда.

Давным-давно у Аллы в доме тоже жила овчарка. Когда она состарилась, у нее тоже поседела морда. Нигде на шу-

бе не было седины. Чепрачная спина до глубокой старости оставалась черной, подпалины – огненно рыжими, а морда – седая.

Собака смотрела на Аллу, будто хотела ей что-то сказать.
– Что тебе? – тихо спросила Алла.

Собака тихонько гавкнула, не выпуская из пасти лямок рюкзака.

Алла взяла с тарелки последний крошечный пирожок с капустой и завернула его в салфетку. На выходе привычно кивнула юному официанту:

- Спасибо! Как всегда – все было вкусно!
- Приходите еще! – улыбнулся он в ответ.
- Непременно!

Алла вынырнула из прохлады кафе в душное марево питерского лета. Раскаленный воздух дрожал над мягким асфальтом, в который проваливались тоненькие каблучки и шпильки, солнце, словно шар из раскаленного металла, зависло над городом. И это в девять часов утра! Такого жаркого лета не было в Питере сто лет! Так говорят синоптики. Сто – не сто, но в последнее десятилетие температура воздуха до сорока градусов точно не поднималась.

Алла поискала глазами собаку. Ее не было нигде. Ушла?! Увели?!

«Жаль! – подумала Алла. – Собака симпатичная. И явно

что-то хотела мне сказать...»

Она еще немного постояла у входа в кафе, повертела головой то в одну, то в другую сторону, но собаку так и не увидела. Она даже подумала: «А не привиделось ли?!...»

В последующие дни она приезжала чуть раньше, и задерживалась дольше. Ждала. Но собака больше не приходила...

* * *

О своем детстве Стас Горенко знал и помнил не так много. Карельская деревня в три дома. Не деревня, а хутор. В двух домах – старые бабки, в третьем – его семья: он, сестренка и мамка. У крыльца в будке – пес Верный. Если бы не он, вряд ли бы сейчас валялся Стас на своем продавленном диване и смотрел по ящику футбол.

Проснулся он тем февральским утром, а дома – ни души. Печь – чуть теплая. В чугунке на печи – пять картофелин, на столе – бутылка с остатками постного масла, огурцы соленые в банке, с паутинкой белой плесени, грибы тоже соленые, черный хлеб под полотенцем.

До обеда он ждал, что появятся мамка и сестренка Валька, которые с раннего утра отправились в район, в поликлинику. До района – семьдесят километров, да до шоссе полтора по бездорожью. Даль несусветная!

Мамка с вечера ему сказала:

– Стаська! Как проснешься – не пугайся. Пообедай и по-

ужинай, а там, как стемнеет, и мы с Варькой, может, возвернемся. Дай бог на автобус успеть!

Стас ждал их, сидя у замерзшего окна, за которым белый сугроб крышу подпирал, и из-за него ничего не видно было. Да и что видеть? Забор. А за ним – две сосны, и снова снег. Когда стемнело, пообедал без удовольствия. Потом уснул.

Пробудился от холода. зуб на зуб не попадал, в животе оркестр марши военные наярывал, в избе – темно и холодно. И ни мамки, и ни Вальки.

Стасик заплакал. Сначала тихонько, потом в голос, от страха и холода. Да так, что пес Верный стал скрести дверь с улицы и подвывать.

Стасик дверь толкнул и Верный боязливо вошел в дом. Его никогда не пускали на порог, его дом – будка у крыльца, и Верный хорошо это знал, и никогда не просился в тепло. В самые суровые карельские холода он сворачивался калачиком, засовывал нос под хвост и спал на снегу. Специально! Чтоб запорошило его снежком. Под снежным одеялом ему было теплее, чем в будке. Будка хороша была в другое время года, а зимой лучше, чем в снегу, было только у горячей печки. Но к ней Верного никто не пускал. Пес был рожден на улице, и жить ему положено было на улице.

Кабы, не Верный, не было бы Стасика в живых. Изба выстудилась, и продрогший голодный Стаська согревался под

старой маманиной пальтухой, обнимая пса. На исходе вторых суток их нашли деревенские бабки. Обеспокоились старухи, не увидев над крышей дома Горенко дымка из трубы. Бабка Марфа влезла в растоптанные валенки, завязала на голове платок, бывший когда-то пуховым, завернулась в тулупчик сношенный и пошаркала к соседке – бабке Соловьяхе.

Та глуха, как тетерев была, ладонь ковшиком к уху, и на каждое слово вопрос:

– Ась?!

– Хренась! – бабка Марфа и понятней в рифму могла ответить. – Горенки, говорю, не померли ли! Собирайся, пойдём проведывать!

Соловьяха опять переспросила:

– Ась?!

Бабка Марфа выругалась вполголоса, сдернула с крючка у двери телогрейку, проорала Соловьяхе прямо в ухо:

– Одевайся, глухня! Горенки без свету второй день!

– Ты что орешь-то?! – напирая на «о» прошамкала Соловьяха. – Я и сама вижу, чего-то у них тёмно! А чего бы без свету-то, думаю...

– Думает она! Чем ты там думаешь-то?! – бабка Марфа нашла на вешалке драный платок Соловьяхи. – Ты шевелись, давай!

– Дак, я чего и делаю-то? Шевелюсь! – Соловьяха с трудом застегивала фуфайку – пальцы не слушались. – Ше-

литься-то уж не могу! Помереть бы, так только б не зимой!

Соловьяха пустилась в пространные рассуждения о бренности бытия, об одиночестве и о том, что вся эта «окаянная жисть» бабке надоела до чертиков, а тут еще зима, а в зиму помирать – самой даже «неудобно перед людьми». Это ж сколько хлопот-то, если зимой! Это и могилу рыть – беда, и домовину привезти из соседней деревни – тоже не так-то просто!

Она рассуждала вслух, а бабка Марфа костерила ее почему зря:

– Я ей про дело, а она опять про свое умирание! – и проорала ей громко в самое ухо. – Надоели мне твои разговоры про смерть! Ты ее дождишь сначала! Уж сколько годов ждешь, а она заблудшая где-то!

– Дак, я што, виновная что ль в этом? – всхлипнула Соловьяха, вываливаясь в холодные сени. – О чем мне другом-то говорить, если жду-не дождуся старую с косой...

Потом они с трудом продирались через снежный занос, которым перемело дорогу: трактор по деревне проезжал в лучшем случае раз в неделю, а если Федька-тракторист ударился в пьянку, то и реже. Вот тут как раз был тот самый случай.

– Федька – обормот, опять водку пьянствует, сволочуга

пьяновая! – ругалась бабка Марфа.

– Ась?! – переспрашивала Соловьяха.

– Хренась! – снова огрызнулась бабка Марфа. – Глухариха! Говорить с тобой, так только нервы трепать.

Помолчала, и громко, против ветра крикнула:

– Уши давно мыла?!

– Давно! Мы с тобой как на Новый год истопили баню, с тех пор и не мылась, – обстоятельно ответила Соловьяха.

И тут они пришли.

Калитка у соседей Горенок не открывалась, замело ее. Пока бабки тянули ее со всех сил, пытаясь продрать штакетину через свежий снег, промокли, как две мыши. Бабка Марфа материлась в голос, а Соловьяха поминутно задавала свой любимый вопрос:

– Ась?!

Наконец, калитка поддалась, прочертила по снегу полосы, как большая гребенка, и бабки протиснулись в образовавшуюся щель.

Стаську и Верного забрала к себе бабка Марфа. Мальчишка одели в то, что удалось найти. Входную дверь подперли метлой – голиком на палке, и отправились в обратный путь.

– И что, обещались вечером приехать и не приехали? А, может, в больницу их определили? Не? Не знаешь? Экой ты,

Стасюшко, немко! Слова не вытянешь!

В дом к бабке Марфе пса не пустили. Хозяйка определила его в сени, где в углу лежала копешка сена.

– Этого-то кобеля тепереча как кормить?! – сетовала Марфа. – У меня ж мяса для него нету!

Пес мяса не требовал. Он рад был хлебу и горячей перловой похлебке, в которую бабка капала немного постного масла. Пес сам открывал дверь на волю, уходил со двора, быстро бежал к своему дому, жадно обнюхивал калитку, пробирался к крыльцу, проваливаясь по самое брюхо в снег, заранее зная, что в доме никого нет. Ни одного следочка от дороги к дому, и сугробы у крыльца выше и выше день ото дня. Выше и выше. Выше его будки, которую когда-то, когда он был еще глупым щенком, любовно сколотил ему хозяин. Потом хозяин ушел. Постоял недолго на пороге, огладил Верного, и ушел. И больше никогда не появлялся.

А вот и другие члены семьи Горенко – мать и сестренка Стаса – исчезли без следа, будто корова языком слизала. Как стало позже известно, в поликлинике они не появились. Ни живыми, ни мертвыми не отыскивались. Их исчезновение так и осталось тайной, за разгадку которой Стас отдал бы все, что у него было.

Осенью в лесу грибники нашли останки двух человек.

Опознавать было нечего и некому. В местной милиции пришли к выводу, что это пропавшие родственники Стаса Горенко. Скорее всего, в пургу его мать и сестра были сбиты на дороге машиной и спрятаны в лесу. Стас узнал об этом через много лет – его познакомили с документами личного дела, в котором была справка из милиции. Впрочем, все это были лишь предположения.

А тогда три недели он прожил в избе у бабки Марфы, и все ждал и ждал мать, глядя с утра до вечера в продутый горячим дыханием «глазок» в замерзшем окне. Потом за ним приехали из районного центра, и увезли в приемник-распределитель. Там Стасу впервые в жизни начистили рыло. Он бы сказал, «побили», но взрослый Колька-кореец, который верховодил в приемнике-распределителе, сказал, что будет «чистить рыло», и чистил! А потом нашел его, зарезанного, с кровавой юшкой под носом, в туалете за шкафом, крепко прижал к себе, и повторял:

– Мужиком будь, слышишь, ты?! Слышь, я кому говорю-то?! Мужиком будь! Это тебе учеба была. Будешь мужиком, я тебя уважать буду, понял – нет?!

– Понял, – шмыгнул носом Стася, сплюнул кровью, и боднул упрямо в лоб Кольку-корейца, который сильно нарушил его личное пространство.

Как и следовало ожидать, спустя какое-то время, Стас

Горенко попал в детский дом, где прожил до шестнадцати лет, закончил девять классов, и подал документы в училище, на шоферское. Мог бы что и поинтереснее выбрать, так как учился хорошо. Но ни к чему ему было, потому что мечтал о службе в милиции. Хотел стать следователем. А для этого ему надо было отслужить в армии.

Физические данные были – дай бог каждому! Детский дом свое дело сделал: Стаська научился драться, как тигр! Бицепсы и трицепсы росли год от года. Он давал их потрогать девочкам, и они делали это с удовольствием и уважением.

Потом была учеба в училище, где было ему скучно, так как науку шоферскую он в совершенстве освоил еще в детском доме, пропадая с утра до вечера в гараже с детдомовским водителем дядей Семеном. В конце своей учебы у него Стас мог запросто двигатель перебрать. И старенькие «Жигули» водил классно. И даже грузовик. Только прав не было. А их Стасу можно было выдать с чистой совестью без всякого училища, но ... «не положено!» И потому отсиживал он на скучных уроках совсем без пользы, и мечтал о практике. По улицам районного центра ему поехать пока не довелось. А когда это, наконец, произошло, инструктор по вождению посмотрел на него с уважением, и принял экзамен без придинок.

Через год учебы Стас получил досрочно водительское удостоверение и «университеты» его на этом закончились.

Он прикидывал, как построить дальнейшую жизнь, и тут вдруг получил письмо от Кольки-корейца. Их пути после приемника-распределителя разошлись: Колька сбежал оттуда, подался в Питер к дальней родственнице, которую он для простоты называл «теткой». Дальняя родственница оказалась сердобольной, сироту приютила. А теткин муж – Иннокентий Семенович, – определил его сначала в школу-восьмилетку, а потом в училище при судостроительном заводе. Так у Кольки-корейца началась рабочая биография.

Спустя некоторое время после того, как судьба раскидала их, Колька-кореец нашел Стаса в детском доме. Написал письмо. Стас обрадовался, так как на всем белом свете у него было только два близких человека – бабки с родного хутора, Марфа и Соловьяха. Писем им он не писал. Боялся, что напишут они ему, что пес его Верный пропал, или умер от тоски. Как тогда жить с такими вестями?! Нет уж, лучше не знать, и думать, что живется Верному сладко и вольготно с бабкой Марфой.

И вот еще Колька-кореец был ему не совсем посторонним. Он первым юшку кровавую пустил Стаське, и сам же пожалел, рассказал, что есть мужиком настоящим быть. Правда, толком побрататься они не успели – Колька сбежал из приемника-распределителя. И вот – нашелся!

Писал он Стасу про жизнь свою ленинградскую. Рассказал, что был в зоопарке и цирке, катался на метро и ходил

с дядькой на демонстрацию.

Переписка у них не была регулярной: то один, то другой иногда подолгу не отвечали на письма, то конверты терялись где-то в почтовых пересылках. Но Стас знал, что у него в городе Ленинграде живет друг Колька. И когда он написал ему, что у них на заводе есть общежитие, и если Стас хочет, то...

Стас хотел! Профессия в руках. И к черту завод! Стас слышал, что в Ленинграде в милицию можно устроиться на работу, если биография подходящая, и общежитие там дают тоже.

«... Я живу в комнате теткиной покойной сестры, и ты, пока не устроишься с работой и жильем, можешь жить у меня. Места хватит!»

Никто и никогда не приглашал вот так Стаса в большой город пожить, сколько надо. Он собрался быстро. Что его сборы? Две рубашки в хозяйстве, ботинки, смена белья, осенняя куртка. Из зимней вырос – рукава по локоть. Даже брать ее не стал.

В Ленинграде на вокзале встретил его Колька-кореец. И почему «кореец»? Внешне не похож на корейца. Совсем.

– Колька, все спросить хотел: ты почему «кореец»? Не похож ты на них ни фиги!

– Точно! Не похож! – хохотнул весело Колька. – А я и не потому «кореец»! Я у торгаша одного из подсобки на рынке спер корейку – шмат постного мяса на ребрышках,

килограммчиков так на пять. И сожрал! Когда меня прихватили, мяса уже не было, только косточки остались! За это менты меня «корейцем» называли. И все ржали, глядя, как я каждые пять минут носился в туалет. Сказали, бог шельму метит!

Колька помолчал.

– А кореечка просто знатная была! Хозяин ее рвал и метал, требовал вернуть. А как там вернешь?! Да и я малолеткой был – что мне предъявишь?!

– Колька, а знаешь, какая у меня мечта? – вдруг спросил Стас.

– Откуда ж мне знать?! Ты мне не рассказывал!

– Я в милиции работать хочу! – выпалил Горенко.

– Фью! – присвистнул Колька. – Вот только этого мне не хватало! Корейкой, что ль, навеяло?!

– Не, я давно хотел! Помнишь, я еще в приемнике-распределителе рассказывал тебе, что у меня вся семья пропала?

– Ну-ну, припоминаю что-то такое...

– Ну, вот... Конечно, никто их не искал, я так понимаю. Потом, вроде, кого-то в лесу нашли. Но мои или не мои – никто особо не выяснял.

– Ты хочешь правду найти?

– Хотел. Раньше. А сейчас понимаю, что бессмысленно, – Стас глотнул судорожно, и закашлялся так, что слезы выступили. – Ой!... Подавился... Так вот, я хочу, чтобы такого

не было больше ни у кого и никогда. Я хочу искать и находить.

– Мечта, значит? – спросил Колька.

– Мечта.

– Ну, для начала тебе в армию надо.

– Знаю! Я готов.

– Вот что, ты все-таки сначала к нам на завод давай. Получишь прописку, пойдешь в армию прямо отсюда. А уж потом тебе прямая дорога в милицию! С руками оторвут! – Колька рад был помочь приятелю.

С работой все получилось как нельзя лучше: Стаса с его водительским удостоверением на завод взяли сразу, и место в общежитии дали, и документы на прописку приняли. У Кольки он только три ночи переночевал, а потом поселился в общежитии у станции метро «Автово».

А осенью его призвали на службу в армию, и он попал туда, куда хотел: в Псковскую дивизию ВДВ. Служил честно, время, проведенное в армии, не считал прожитым впустую. Впереди была цель, к которой шел с детства.

Мечта сбылась. Через две недели после дембеля Стас Горенко работал в милиции. И не просто в милиции, а в милиции «особого назначения». Попасть туда ему помог муж дальней родственницы Кольки-корейца: замолвил словечко, где надо, и Стаса взяли в питерский ОМОН.

– Было бы образование, мог бы карьеру сделать! – ворчал

дальний родственник. – А так – все с нуля! Да и то не очень успеешь! Иди учиться!

– Спасибо, Иннокентий Семенович! – благодарил Стас. – Не в карьере дело. Я с нуля начну, а там, как получится с образованием!

Служил Стас взрывотехником. Выезжал на разминирования, уничтожал взрывные устройства. Страха не ведал. Как будто печенкой чувствовал страшные находки, и успевал выдрать у них «жало» до того, как оно могло натворить бед.

К тому времени, как в Чечне начался военный конфликт, который аккуратно называли «мерами по поддержанию конституционного порядка», у Стаса на счету были десятки, – если не за сотню! – разминирований. Он рвался в первую командировку, хотя уже был наслышан, что там не курорт, а война. Правда, слово это не звучало в выпусках новостей. Как раз наоборот: говорили, что никакой войны нет. Вот ведь странность какая: убитые есть, а войны нет!

А убитых было много. Так много, что только слепой мог называть войну «конфликтом» и «мерами по поддержанию конституционного порядка». «Груз 200» – эти страшные посылки в цинковых ящиках, – получали в каждом городе, и в каждой деревне.

* * *

К смерти на войне привыкаешь быстро. Наверное, что-то происходит с душой, когда изо дня в день видишь убитых. Вот он, боец, только пять минут назад смеялся над шуткой товарищей. А вот уже просто тело, «груз 200», и где-то далеко от Чечни, в предчувствии беды екнуло сердце у мамы, отдавшей на войну своего желторотого птенца.

Да что там желторотые, если и тертые войной мужики гибли, кто от шальной пули фанатичной снайперши, кто от незамеченной растяжки. Да мало ли от чего можно было загнуться! Эта война разными способами прибирала мужиков десятками, сотнями, тысячами.

Гошу Половикова Стас любил, как брата. Был он чуть младше, но за плечами было пять командировок и служба в ОМОНе. Был он сапером и по совместительству – снайпером. Глаз охотничий, по-сибирски точный, никогда его не подводил, и с охоты Гоша всегда возвращался с «добычей».

В свою последнюю командировку он прилетел с минно-розыскным псом Конрадом, которого сам воспитал для службы в инженерной разведке. Конрад не боялся взрывов и свиста снарядов, только плотно прижимал уши к голове. Пес был молод и, со свойственным молодежи нетерпением, с трудом сидел на месте, постоянно пританцовывал, приглашал к игре хозяина. Но стоило ему услышать команду «Работаем!», Конрад становился другим: собранным, внимательным и серьезным.

Бойцы сразу же переименовали Конрада в Контрабаса. С именем попали в точку. Конрад «на бис» исполнял такое, что все умирали со смеху: под любую мелодию он подвывал, басовито и печально, будто неизвестный музыкант водил смычком по струнам могучего инструмента.

А еще «контрабасами» на чеченской войне называли бойцов контрактников, которые отличались особой лихостью. Терять этому контингенту было нечего. Они шли на войну для того, чтобы заработать. Им даже награды не полагались. За умение убивать им платили.

Конрад работал в Чечне вообще бесплатно. А награды... Собакам в мирной жизни медали дают очень часто, а вот на войне...

Он был обучен различать запахи, и хорошо знал привкус смерти – его имели взрывчатка и металл. Хозяин Гоша мог это делать только с помощью миноискателя, а у Конрада был более чувствительный прибор – нос. И оберегать этот чувствительный прибор надо было пуще глаза!

Запахи войны – это запахи металла, бензина, мазута, крови. Укрыться от них негде. По правилам, для собак, «работающих носом», на войне должна быть специальная палатка, где они могли бы «отдохнуть» от запахов. Но о какой отдельной палатке может идти речь, если и «не отдельных» – то не было! Рады были любой крыше над головой, а нередко и вообще спали просто под открытым небом, и хорошо, если была плащ-палатка, под которой укрывались от дождя.

А Конрад и в такую гнилую погоду отлично работал. Почуяв «добычу», он тихо садился на задние лапы, даже если вокруг были одни лужи. Этим он отличался от многих минно-розыскных «коллег», и особенно – от четвероногих «дам». Ну, не могли они в лужу приземляться, хоть ты убей их! А Конрад, хоть и был псом благородных кровей, не боялся испачкаться. Да и что там бояться?! Если дожди заряжали, то не только Конрад был грязен от носа до хвоста, но и хозяин, и все его друзья, и отцы-командиры, и бэтээры.

Дожди порой выматывали душу, вымачивали белый свет. Одежда, палатки, воздух – все было волглое. В такую погоду хотелось в тепло: в дом, к печке, к батарее, или хотя бы к костру под навесом. Чтоб не сыпался за шиворот мокрый бисер из низко висящих туч, чтоб можно было просушить носки, отхлебнуть из общей кружки сладкого до тягучести, черного, как деготь, чаю с палками чайного листа.

Бойцы с завистью смотрели на Конрада, который к непогоде относился спокойно. Ему было тепло в богатой черно-рыжей шубе, которая не промокала под дождем. Пес периодически встряхивался, и с шерсти веером разлетались брызги, окатывая всех, кто был поблизости. Бойцы матерились беззлобно и ржали, а Конрад морщил смешно свой чувствительный нос, который страдал от дождя больше всего – падающие с неба холодные капли щекотали его.

Дорога от дождя мгновенно превращалась в коричневую жижу, в которой противно скользили солдатские сапоги, а у Конрада вязли лапы. Он уставал, но работал, пока ему не говорили «Отбой!».

Он был очень выносливым, и мог пахать с перевыполнением нормы, хотя Гоша периодически говорил, что у него «нюх замылился», и приказывал ему: «Гулять!»

Но какая «гулянка», если на войне ни на минуту нельзя забывать о собственной шкуре! Ее мог запросто попортить снайпер, который буквально охотился на собаку, работающую на разминировании. Голова минно-розыскной собаки у снайперов ценилась высоко. За нее платили куда больше, чем за солдатскую.

Тот день у них был последним командировочным. Вернее, «крайним»... Хотя, оговорка эта, как прямое попадание...

С утра Гоша Половиков чувствовал себя очень хреново. У него зверски болела голова, и от этого настроение было дурное. Он сцепился с наглым «контрабасом» Терентьевым, от которого за версту несло перегаром и луком.

Терентьев крыл матом всех подряд, потому что ему загнули непомерную цену за отпуск. Отпуск был положен, да только уйти в него было не так просто. Надо было всеми правдами и неправдами получить на него разрешение, отпускные, «боевые». Еще надо было договориться с выездом из Чеч-

ни. Ну, и за очередь на отпуск надо было заплатить. А у Терентьева и без этого что-то все не складывалось, и он злился на весь белый свет, и пил по-черному. А от водки зверел и срывался на всех. Да еще и цену за отпускную очередь задрали так, что Терентьев уже никуда ехать не хотел. И не поехал бы, но надо было! Надо! Пока кукушка в голове не улетела окончательно.

Это зарабатывание денег на войне довело Терентьева до ручки. Плюнуть бы на все, бросить все к чертовой матери, но как плюнуть, если на родине у него, на Брянщине, развалился дом, и он влез в неподъемный кредит. И пахать-перепаживать ему Чечню до конца этой никому не нужной войны, зарабатывая на дом, корову и мини-трактор – усадьбу перелопачивать. Одна радость, как бы не страшно это было слышать, – войне этой конца-краю не видно, потому что до тех пор, пока в Чечне есть хоть один русский, война не кончится. А значит – будет и работа!

Терентьев зацепил Гошу Половикова, потому что завидовал ему: каких-нибудь десять часов и командировочным ОМОНовцам дадут борт. И полетят они в Питер, отдохнуть от войны, водку нормальную – магазинную, – а не паленую «чеченовку», жрать, с девками в сауне плескаться, отсыпаться в чистой постели. А он бегаёт, как барбоска, просит, уговаривает отпустить его в отпуск, деньги сует, а на него плюют, как на пустое место, и говорят «приходите завтра!»

Гоша на его контрабасовы претензии ответил грозным рыком, и если бы их не разняли, то они бы сцепились насмерть. В итоге, Гоша в инженерную разведку отправился в состоянии взведенной пружины.

– Работай! – резко крикнул он Конраду, и пес послушно потрусил по обочине дороги. Они ушли вдвоем далеко вперед, и никто из группы не понял, как произошло, что Гоша пропустил сигнал собаки. Конрад тихо сел на обочине дороги, а Гоша сделал шаг, который стал для него последним...

Фугас мощно рванул, вывернув из дороги слоистые пласты глины, и когда осыпался каменный град и ветром растянуло дым, всем стало понятно, что домой Гоша Половиков полетит, но в цинке.

Стас долго не мог подойти к расстеленной на земле плащ-палатке, на которую собрали то, что осталось от Гошки. Страшно было смотреть на это, хоть за свои командировки и успел привыкнуть к смерти, которая каждый день наступала на пятки.

Вот он только что был рядом, злился на контрабаса Терентьева, строго одергивал Конрада, и упрямо пер по дороге впереди всех. Вот он только что... И даже попрощаться не с чем...

– А Конрад где? – вспомнил кто-то о минно-розыскной собаке Половикова. Пса нигде не было. Наверное, его отки-

нуло в кусты. Стас рванул туда, но его схватили за руки, и держали до тех пор, пока он не перестал рваться.

– Туда нельзя, братуха! – тряс его за плечи кто-то. Стас не мог узнать – кто...

Он сидел на обочине дороги, прямо в липкой грязи, и ему было плевать на то, что сыро и холодно. Не хотелось ничего, кроме одного: отмотать все назад, как кинолентку, на пару часов назад, на час. Да, даже на час. Этого вполне хватило бы на то, чтобы все изменить, чтобы Гошка и Конрад остались живы.

Стас сидел, не в силах встать и идти. И это было неспроста. Его что-то держало, как на привязи. И когда он услышал из ближайших кустов собачье поскуливание, он понял, почему его держала дорога. Уйди он, уйди они все, и розыскной пес Конрад пропал бы!

– Конрад? – спросил тихонько Стас, и закричал во весь голос:

– Конрад! Конрад!

И еще так:

– Контрабасина! Ты где?!!! – Голос его сорвался, и он прохрипел имя:

– Конрад...

В ответ из кустов заскулила собака, и Стас рванул туда.

Он внимательно смотрел под ноги, чтобы не наступить на какой-нибудь «подарок» от боевиков.

Конрад лежал за кустами, перепачканный глиной и кровью. Он пытался подняться на лапы, но у него плохо получалось. Передние дрожали от напряжения, а задние были перебиты. Брюхо, на котором шерсти было мало, посекли осколками. Из самой большой рваной раны страшно выглядывали сизые собачьи внутренности.

– Конрад, братишка! – Стас оглаживал и ощупывал пса, а тот пытался достать его большим горячим языком. – Сейчас, мой мальчик! Сейчас будем выходить!

Стас поднял собаку, стараясь не задевать раны. Пес заскулил. Стас обхватил его поудобнее, и аккуратно понес к дороге. Навстречу ему рванул кто-то из бойцов, но Стас не отдал собаку, только прохрипел:

– Плащ-палатку! Быстрее! Аптечку!

В следующую минуту он уже бинтовал Конраду раненый живот и лапы, накладывая под бинт большие куски стерильной марли, которые тут же пропитывались кровью.

– Не жалец! – со знанием дела произнес контрактник Терентьев, поправив черную бандану на бритой голове. – Ты, слышь, ...это... Отдай его нам! Пока живой, надо освеже-

вать! Хоть пожрем по-человечески.

Стас не сразу понял смысл сказанного, а когда вник, его вырвало, больно, до желчи.

Он грязно выругался, послав Терентьева далеко и надолго. Но тот не понял:

– Издохнет – хуже будет! А все едино – издохнет! А так хоть мяса пожрем!

– Уйди! Пока я тебя самого шакалам не скормил! – про-рычал Стас.

Он был страшен, и Терентьев не рискнул дальше говорить об этом. Он думал о том, как несправедлива судьба. Кому-то сегодня борт домой, а кому-то оставаться в этой чавкающей грязи кормить вшей и мечтать об отпуске. Кому-то Питер с его театрами и Невским проспектом, а кому-то – такая же утопающая в весенней грязи Брянщина. И даже куска собачьего мяса не видать, как собственных ушей! Терентьев не шутил, упрашивая Стаса отдать ему раненого пса: собачатину он попробовал на войне, и ничего не имел против этого экзотического блюда. Война – есть война. И есть в окопах хочется больше, чем в мирной жизни. И не деликатесов, а простой еды, но досыта. И хорошо бы не слипшихся макарон с сахаром, а мяса с картошкой! Ну, мужик он, или кто?!

– Гад! – вполголоса выдал контрактник Терентьев с Брянщины. – Сам не ам, и другому не дам!

– Да заткнись уже! – обрезал его кто-то. – Все б только жрал!

– А ничего, что я тут в дерьме скоро год кувыркаюсь, а?! – заходился Терентьев в похмельной злобе. – А ничего, что деньги выбивать приходится, а?! А жрать человеку по природе его необходимо. А тут из жратвы только сухари съедобные да водка! А остальное...

Терентьев смачно плюнул. Хотел еще побузить, но зрителей поблизости не было, а без зрителей ему было совсем не интересно.

– Зверь я, что ли?! – сам у себя спросил. – Надо мне больно эту псину на шашлык! Будто о себе об одном пекусь! Да пусть хоть в Питер его прет, мне все едино! Все едино – сдохнет! А мог бы ужином стать...

Он отстал от всех. Шел, покачиваясь, по раскисшей глине, которая противно чавкала и хлюпала. Он бережно баюкал на груди автомат – оружие тут держат по-особенному, будто ребенка, двумя руками, нежно прижимая. Автомат Терентьеву достался новый, хоть и без рожков, которые пришлось добывать путем несправедливым. Но это мелочи. Главное, автомат новый, а то он повидал из какого дерьма приходится некоторым стрелять. И в этом контрабасу с Брянщины сильно свезло. Обмундирования, вот, приличного не досталось, все ношеное-переношеное, блеклое, местами потре-

панное до дыр.

На войне этой во всем был бардак. С едой – бардак особый.

– И чего такого особенного сказал-то? – продолжал изумляться Терентьев, скользя по глиняным кочкам. – У нас в деревне, например, если собака, то и живет, как собака: на улице, в будке. Ест то, что дадут. И дом охраняет. А у них там, в городах, совсем с ума сошли! Жратва собачья в магазинах специальных продается, дорогушая! Я то сам не видел, рассказывали... Да...

Терентьев поскользнулся – камешек вывернулся из-под сапога, – только коричневая жижа веером! Он выругался в сто этажей, нащупал место поудобнее, выбрался на обочину, и продолжил свой горький монолог:

– И спят эти твари в хозяйских постелях под одеялом! А врача, случись что, им прямо на дом вызывают! А зимой они в пальто и ботинках ходят! Кхе-х! Етить! В пальто и в ботинках! И что они сюда-то без ботинок приезжают?! Хоть бы посмотреть своими глазами на это чудо...

Ему трудно было понять все происходящее. Вот, про себя он хорошо знал, зачем он тут, почему терпит эту грязь. А где он еще заработает деньги на дом?! То-то же! Потому он контрабас. Ехал сюда – не боялся ничего. И никого. «Чехи» пусть его боятся! Даже трезвого. Или, как говорил Терен-

тьев, «тверезого». А пьяного пусть еще больше боятся, потому что пьяному ему все по барабану. И ни пуля его не берет, ни фугас на дороге не встречается.

«Тьфу-тьфу-тьфу!!!» – поплевал через плечо Терентьев. Он уже и забыл про ссору с этим собачником. И черт бы с ним, с этим псом подраненным. Не только для себя ведь старался, а выставили каким-то людоедом, етить!

– Да и летите вы к чертовой бабушке! – крикнул кому-то обижено Терентьев, развернулся, и зашлепал по непролазной грязи в обратную сторону.

* * *

Брюхо Конраду заштопал медбрат, сопровождавший раненых бойцов. В Ростове-на-Дону у них была посадка и длительное ожидание, вот это «окно» и использовали для операции.

Пока пес спал под действием наркоза, медбрат осмотрел его лапы. Он прикусывал губу и сокрушенно качал головой, а потом сказал:

– Сложный перелом. Зафиксируем, а в Питере врачи уже разберутся, что с этим делать. Одно скажу, ходить тебе за ним, как за ребенком, придется после этого.

И ходил Стас, выхаживал Конрада после операции. Сам научился ставить капельницу: девки-медички в ветклинике

показали. Ничего сложного, если в вене стоит трубочка специальная – катетер. Пес лежал на одеяле у старого трехстворчатого шкафа. Стас закреплял бутылку с лекарством на вбитом в дверцу гвозде, иголку вставлял в катетер, и прокручивал колесико в зажиме на системе. Капли начинали падать в прозрачный пластиковый резервуар. Медленно, долго. Когда жидкость в бутылке заканчивалась, на гвозде закреплялась новая емкость. И снова – кап-кап-кап, – медленно и долго.

Деньги, которые Стас заработал в командировке, ему оченьгодились. Собачья медицина – дело дорогое: лекарства, рентген, анализы, консультации врача. Особенно дорого обошлась ему операция: кости задних лап врачи собирали буквально по кусочкам, потом поставили спицы и зафиксировали все гипсовой повязкой.

Конрад много спал и вел себя, как больной пенсионер: он терпеливо сносил перевязки, уколы и тяжелые гипсовые «штаны».

Стас покупал ему разные вкусности, но от еды Конрад отказывался, только пил жадно и много. Но в ответ на внимание нового хозяина благодарно лизал ему руки, и тот с трудом сдерживал слезы. И вспоминал при этом не Гошу, который воспитал собаку, а Терентьева, который, хотел сожрать Конрада!

Через неделю пес повеселел, начал есть, и научился ловко ползать, опираясь на сильные передние лапы. «Заживает, как на собаке», – это было про Конрада.

– Что удивительно, – говорил ветврач, осматривая пса после того, как снял с него гипс, – очень часто у молодых маленьких собак переломы срастаются очень тяжело, а у таких мощных овчарок все происходит куда быстрее. Правда, мелкие собачки, как блохи, скачут даже со сломанными лапами, а эти с пониманием относятся к лечению и терпеливо ждут, когда все закончится.

И спросил у Конрада, глядя в его умные глаза:

– Ну, что, парень, соскучился по улице? Гулять хочешь?!

Пес стриганул ушами на слово «гулять».

– Работать он хочет, – вставил Стас, и Конрад встрепенулся, и если бы его не удержали за ошейник, то встал бы.

– Лежи-лежи! – остановил его Стас. – Отработал, кажется... А, док, вы как думаете?

– Думаю так же. Перелом был очень сложный, и можно сказать с уверенностью, что он будет прихрамывать. Но не это главное. Наверное, психика у пса все-таки пострадала. И большой вопрос, будет ли он после всего, что случилось, искать мины и взрывчатку. Все-таки, это собака! Вот, если бы с ним можно было поговорить...

Первая вылазка на прогулку стала для Стаса Горенко и Конрада настоящим испытанием. Не смотря на то, что минно-розыскной пес уже уверенно стоял на ногах, Стас чувствовал себя рядом с ним, как с ребенком, который делает первые шаги. Он покрывался испариной, когда собаку заносило в сторону. Хотя, это было, наверное, скорее оттого, что пес долгое время провел в четырех стенах тесной питерской «хрущобы».

Конрад тогда быстро устал, и домой они возвращались с остановками у каждого столба. Не дойдя до дома, притормозили у вкопанной под березой скамейки. Пес посмотрел на хозяина, будто бы говоря ему: «Давай, посидим!»

– Давай, посидим! – откликнулся Стас.

Он присел на скамью, а пес примостился рядом. Задние лапы у него разъехались, и он пытался подтянуть левую, которая слушалась меньше, чем правая. А получалось у него плохо, и лапа дрожала мелко.

Стас помог ему: скинул тапок-шлепанец и ногой аккуратно подвинул больную лапу. Пес благодарно посмотрел на него. Мелочь, а приятно! Из таких мелочей складывается все.

Вокруг носа собаки кружилась муха. Пес следил за ней, и когда она, обнаглев окончательно, нарушала личное соба-

чье пространство, он страшно щелкал зубами. Муха улетала, а пес виновато смотрел на хозяина. «Видишь, даже такую тварь, как надоедливая муха, поймать не могу», – говорил его взгляд.

– Да, ладно, братишка! Не горюй! – сказал ему Стас, а потом, прицелившись, ловко в один мах поймал муху на лету, и послушал, как она зудит у него в кулаке. Он дал послушать Конраду, и тот удивленно склонял то на один, то на другой бок свою большую голову, тыкался носом в кулак, и поскуливал. Казалось, выпусти муху Стас, и пес радостно, с лаем, помчится за ней.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.